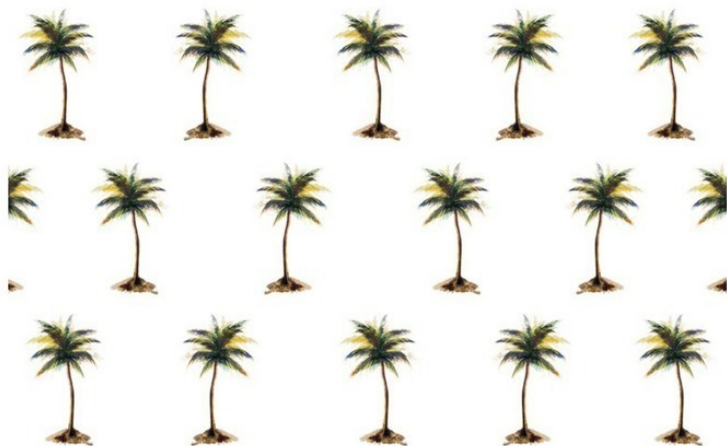

Роман Романски

**ЛЁГКОСТЬ
ВЗАИМНОГО
МОЛЧАНИЯ**

Роман Романски

Легкость взаимного молчания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18912523

ISBN 9785447478124

Аннотация

Однажды кто-то сказал: «Степень близости между людьми определяется легкостью взаимного молчания». У Артема есть психологическая проблема – ему трудно общаться с людьми. В один из дней, придя в кафе, Артем замечает интерес к себе со стороны незнакомой девушки. Он хочет покинуть помещение, сбежать от своего страха, избавиться от этой ситуации, но девушка не дает ему этого сделать. Артему лишь остается принять правила игры, которую затеяла незнакомка.

Содержание

Первая часть (2005, 2010 годы)	5
1	5
2	24
3	31
4	40
5	53
6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Легкость взаимного молчания

Роман Романски

*Посвящается Вале и Валентине. Моим
бабушкам*

Корректор Ани Петрс

Дизайнер обложки Наталья Смирнова

© Роман Романски, 2019

© Наталья Смирнова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-7812-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая часть (2005, 2010 годы)

1

Мы познакомились двадцать первого августа две тысячи пятого года, ровно в двадцать часов, тридцать минут и девять секунд. Я сидел в одиночестве за столиком у окна, в кафе со странным названием и с не менее странным интерьером. Стены, обитые деревянными рейками, изобиловали табличками с разнообразными фразами на испанском, итальянском, немецком, английском и французском языках. В одном из углов зала, рядом со старым зонтом, висели сильно поношенные бутсы; под ними была табличка с надписью «Diego». Видимо, все это должно было ассоциироваться с Диего Марадоной, однако маловероятно, что данная спортивная экипировка когда-то принадлежала знаменитому аргентинцу, иначе бы под ней красовалась огромная надпись золотыми буквами на белом фоне – «Diego Armando Maradona». Так мне хотелось тогда думать почему-то. Интерьер кафе давил своим уютом, причем давил так сильно, что я забыл с какими мыслями туда зашел.

На моем столе играл деревянными красками двойной виски; салфетка была исписана очередными рассуждениями. Помню, через пару недель, когда перебирал все свои запис-

ки на салфетках, я достал ее из бежевой коробки, положил перед собой и стал внимательно поедать мысли того вечера. Тогда я так и не решил, прав ли я. «Любовь может принести нам счастье? Настоящее, не иллюзорное. Мы рождаем любовь в себе или она рождает нас? Но что я знаю точно? Что еще? Не знаю. Хочу найти ответы на все эти вопросы».

В тот вечер, двадцать первого августа, я маленькими глотками допил первый двойной виски, заказал второй и взял еще одну салфетку. Погружаешь ее в свои глаза, а сам – уходишь с головой в ее. Два мира в один комок – и в наши ладони. Мы стоим в центре, а вокруг суета. Чувство времени объявляет омерту, священную клятву молчания. Зачем иногда говорить, когда есть легкость тишины? Молчанием добиться новых эмоций. Сарафан, солнце, смех. Мокрый песок. Успеть написать ее имя, пока волна не помешала, не смыла. Успел! Она рядом. Тоже успела! Бегом! Ветер и лучи солнца, светящие прямо в глаза. Кружиться! Теперь больше ветра. Такие смешные волосы на ветру.

«Я люблю тебя!».

Зачем я это написал, я решил сразу же после того, как закончил старательно выводить последнюю букву «я». Ну как же, были же еще знаки препинания в конце...

На улице пошел дождь. В дверях появилась девушка. Она была молода и стройна, со смешными мокрыми русыми во-

лосами. На ней был желтый (я бы сказал, золотой) сарафан, вышитый узорами, которые я непременно бы рассмотрел внимательнее, но только в другой раз, но тогда этот мокрый сарафан обволок фигуру девушки. У меня участилось дыхание. Я допил одним глотком виски и повторил заказ. Девушка подошла к барной стойке, тоже попросила виски и, повернувшись, посмотрела на меня. Наши взгляды встретились так, как когда кто-то подглядывает, а его «засекают». Меня бросило в жар. Необходимо было сразу же отвести глаза в сторону, сделав вид, что это лишь совпадение. Но я застыл. Через несколько секунд я очнулся и перевел глаза на бутсы, висящие на стене. Это первое, что пришло мне в голову, после возвращения из глубины карих глаз девушки в желтом сарафане.

Диего Марадона родился тридцатого октября, одна тысяча девятьсот шестидесятого года, в городе Ланус, что в Аргентине. Первым его клубом был Архентинос Хуниорс, в котором он дебютировал в возрасте пятнадцати лет.

Я перевел взгляд с бутс на официантку, которая как раз принесла мне виски, затем опустил его вниз, в стол. Этих мгновений хватило, чтобы заметить, что девушка в желтом сарафане уже сидит за соседним столиком, лицом ко мне. Она курила и пила виски маленькими глотками, не сводя с меня глаз. Казалось, что она вовсе не пила, а смачивала алые губы. Дыхание и пульс участились еще больше. Мне хотелось подойти к незнакомке, но чувство страха, вдруг по-

явившееся, не оставляло мне ни единого шанса это сделать. «Надо убежать. Как от всех прочих страхов. Сколько там стоил виски? Оставляю деньги и скроюсь, растворюсь в этом огромном-огромном городе». По моему лбу скатилась капля пота. Я провел ладонью, и она исчезла. Мне тогда хотелось проделать такой же трюк и с собой. «Если у меня получится, то это будет самый удивительный фокус в мире». Я провел ладонью по лбу еще раз, но со мной ничего не произошло – я не исчез. Вместо этого у меня вновь получилось проделать трюк с исчезновением капель холодного пота, которые продолжали образовываться на лбу. «Ничего не вышло. Так я и знал. Какие еще есть варианты, Артем?». Мои ноги не слушались меня. Они стали настолько тяжелыми, что мне не удавалось приподнять их даже на сантиметр. Я стал заложником взгляда незнакомки. Я чувствовал, как она выжигает узоры на моем лице. Я не понимал, почему она так смотрит на меня. Эта тяжесть взаимного молчания угнетала. Невообразимо сложно молчать с незнакомым человеком, особенно, когда на тебя так смотрят, и ты не можешь уйти.

«Чего ты хочешь? Я сдаюсь. Отец! Отец, помоги мне. Ты меня слышишь?». Я осмотрелся вокруг себя, но отца не увидел. Не то, чтобы он должен был там появиться, скорее, я просто этого очень сильно хотел. «Ты всегда говорил, что мысли обладают одним удивительным свойством – они иногда материализуются, стоит только этого хотеть. Я очень хочу! Почему же тогда ты не появился?».

Непонимание ситуации нагнетало во мне тревогу. Море страха, которое всегда было во мне (но я пытался находить-ся подальше от него) начинало выходить из берегов, приливом захватывая сушу – мое спокойствие. В какой-то момент я упал взглядом на стол, пряча глаза от девушки в желтом сарафане. Сейчас я уже не помню, сколько я тогда так просидел, пряча свой взгляд в страхе, а страх в себе. Может мину-ту, может быть десять, может и больше. Я попал в ловуш-ку, капкан, который поставила незнакомка. Она сидела на-против меня и наблюдала за своей жертвой. «Я чувствую ее взгляд на себе. Ей нравится делать больно. Чего она хочет? Отец! Скажи, что мне делать?».

– Встань и иди.

Я обернулся, но отца по-прежнему не было рядом. «Отец, где ты? Я слышу твой голос, но не вижу тебя. Я не могу идти. Мои ноги не слушаются меня».

– Тебе так кажется. Ты это сам придумал. Стоит только захотеть – и ты пойдешь. Мысли материализуются.

«Я хочу. Я очень хочу. Ноги, пожалуйста!».

Я попробовал поднять одну из ног, и она поддалась мне, – оторвалась от земли именно на ту высоту, на которую я про-сил ее это сделать. Я проделал то же самое и со второй но-гой. Теперь и она слушалась меня. Не задерживаясь ни на се-кунду, я поднялся со стула и, не поднимая глаз, устремился к выходу. «Один, два, три...». Я шел и считал про себя ша-ги. «Четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять...». Я порав-

нялся с девушкой в желтом сарафане. Мое желание уйти отступило перед ее рукой; она меня остановила, не оставив ни единого шанса своей жертве. Незнакомка встала и вернула меня на несколько шагов назад, к стулу против ее стула. Я сел. Физическая сила оказалась убедительнее моих желаний раствориться в огромном городе.

Для меня вся эта ситуация казалась жутко подозрительной после одиннадцатого марта две тысячи четвертого года. Я видел в каждом человеке, проявлявшем интерес ко мне, опасность. Боялся заходить в переполненные рестораны и ездить в метро. Я превратился в охлофоба, живущего в многомиллионном городе. Слишком мало прошло времени, чтобы заводить новые знакомства. Но у меня не было выбора. Я вновь сидел напротив девушки в желтом сарафане, только теперь мы были за одним столом.

«Отец, что мне делать? Помоги мне».

– Ты действительно этого хочешь?

«Да».

– Тогда посмотри в ее глаза.

Я бросился прямо в ее глаза, но в ту же секунду отдернулся. «Теперь она подумает, что я заинтересован, но смущен. Но мне просто страшно. Мне хочется всего лишь исчезнуть». Но я обманывал себя. Девушка мне была интересна.

Она молчала, как и я.

Я вдруг заметил, что в моем кулаке смяты салфетки, которые я списывал своими мыслями. Девушка, давно их заме-

тившая, воплотила свое любопытство в действие – положила свою руку на мой кулак; я разжал пальцы, превратив его в ладонь. Она взяла салфетки. Звучала музыка из какого-то старого фильма. Я думал в те минуты, что эта музыка прекрасна, как прекрасна девушка в золотом сарафане. «Ты восхитительна! Твой сарафан действительно золотой, не желтый». Еще я думал о том, о чем я писал на салфетках. Думал о том, зачем я это написал и зачем она это читает. Есть ли в этом хоть какой-то смысл или он отсутствует, как и логика происходящего?

«Не бойся, Артем. Все хорошо. Она прекрасна. Разве может такая красота быть опасна?».

Я закурил. За окном продолжал идти сильный дождь. Шум дождя вместе с музыкой из кинофильма создавали тишину, в которой мы находились.

Дождь, с точки зрения науки, – это атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды. Их диаметр – от половины до семи миллиметров. Интенсивность дождя – от четверти сотой до ста миллиметров за один час. Но с точки зрения нашего восприятия, дождь – это нечто другое. Он уникален для каждого из нас. Попав в дождь, каждый человек испытывает свои эмоции. Дождь может быть как шумом, так и тишиной. Звуки дождя создает не сам дождь, а предметы, на которые падают капли и наше умение слышать это. Можно стоять под ливнем и слышать музыку дождя на себе,

а можно бежать и слышать «шшшшш» и цоканье своих каблучков. И это тоже будет шум дождя. Или его тишина. В зависимости от того, что вам ближе, от того, каким хочешь слышать дождь.

Я посмотрел на девушку – она широко улыбалась. Неожиданно для самого себя я смог задержать на ее лице свой взгляд. «Не бойся, Артем. Все хорошо». Мне вдруг стало спокойно, я уже не чувствовал дискомфорта. Почему эта улыбка принесла мне спокойствие, я не знаю до сих пор. В ней было нечто таинственное, что-то светлое и влекущее. Дочитав мои салфетки, девушка в золотом сарафане жестом попросила у меня ручку и, взяв ее, медленно вывела буквы на одной из них: «Это прекрасно!». Потом, положив ручку на салфетку, медленно передала их мне, не поднимая со стола. Я взял ручку и написал: «Тебе, наверное, не уютно?». Передал салфетку ей так же, не отрывая от стола, затем встал, снял с себя пиджак, подошел к ней и накинул его на мокрый сарафан, сквозь который просвечивалось тело девушки. Сел на место. То, что сделал я тогда, до этого казалось невозможным и страшным.

На следующий день я думал, что эта встреча была странной, но раз отец мысленно подталкивал меня на знакомство с той девушкой, то так, значит, и должно было происходить.

На салфетке уже не оставалось места для новых записей, и незнакомка взяла новую. Она написала: «Спасибо!».

Шестеренки механизма случайностей закрипели и пришли в движение. «Интересно, что он нам сгенерирует?».

Странно, но у меня не возник тогда вопрос, почему девушка в золотом сарафане разговаривает со мной посредством салфетки и ручки? Наверное, это была любовь с первого взгляда. Когда любишь человека, то не замечаешь его недостатков и те странные вещи, которые вместе вы делаете; любишь за то, что делает вас сумасшедшими в глазах других и, одновременно с этим, приносит комфорт в ваши любящие сердца. А дальше непонимание окружающих только сближает, плачивает вас и рождает мысли, что тебе нужен именно этот человек, потому как только он способен тебя понять.

Я снова взял салфетку и ручку, которая уже лежала между нами. Написал: «Что ты здесь делаешь?». Передал девушке. Она написала, случайно немного порвав салфетку ручкой: «Дождь. А ты?». Девушка сидела ровно, царской осанкой показывая свою уверенность. Она пристально следила за каждым моим движением. Хоть страха во мне уже не было (он исчез с появлением запредельного любопытства и симпатии к девушке), но меня все еще посещали кратковременные наплывы беспокойства. И тогда на борьбу с ними приходил виски, что уже был во мне. «Почему я не чувствую страха? Он должен быть, но его нет. Мысли материализуются. Я не должен чувствовать страх! Я не должен чувствовать страх!». Я был уже готов заговорить с девушкой, избежав панического заикания, ибо она преподнесла мне спо-

койствие своей внутренней улыбкой, пристальным взглядом и игрой, как противоречиво бы это не звучало. Это была игра, правила которой мы знали подсознательно, не договариваясь. Она слышала, как я разговаривал с официанткой, также как слышал я, как она делала то же самое. Мы оба умели говорить, но продолжали молчать. Точнее, мы разговаривали тишиной. «Скучаю» – написал я в ответ на ее «Дождь. А ты?». Затем перетащил к ней салфетку, не отпуская, продержал пару секунд, чтобы девушка смогла прочесть новую надпись, и подвел обратно к себе, не давая возможности ей ответить. Пренебрегая очередностью, снова написал: «Почему ты со мной заговорила?». Затем подчеркнул слово «заговорила». Передал ей. Она написала: «И сейчас скучаешь?». Сделав то же самое, что и я секундами ранее – не давая возможности мне ответить, – снова написала: «Ведь это ты ко мне подсел». На тот раз я ответил: «Не скучаю. Но ведь это ты так захотела».

Все это время девушка сидела не улыбаясь, но уголки ее алых губ и глаз находились в волнении. Она улыбалась про себя, стараясь не нарушать правил игры, которые мы импровизировали. Как удивительна, чиста и тотальна была ее улыбка в мою честь. Ее внутренняя улыбка. Она дарила мне внутреннюю тишину при внешнем шуме. Я тоже внутренне улыбался и она это видела.

Она написала: «Мне интересно наблюдать. Я художник».
Я написал: «Я не смог уйти».

Она: «Я знаю».

Я: «Ты согрелась?».

Она: «Почти».

Я: «Еще виски?».

Она: «Да».

Я поднял руку, подзывая официантку. Затем взял новую салфетку и большими буквами написал: «ЕЩЕ ВИСКИ. 2». Девушка в золотом сарафане не смогла сдержать эмоции и стала широко улыбаться, смеясь над нашими глупостями с салфетками. Именно в тот момент я впервые в жизни ощутил намагниченность к незнакомому человеку – притяжение, при котором хватаешься рукой за окружающие предметы, чтобы удержаться на месте и не слиться губами в поцелуе. «Внутренняя схожесть. Какая сильная внутренняя схожесть. Я уже влюбился?».

Я поднял салфетку с надписью «ЕЩЕ ВИСКИ.2» и сделал серьезное лицо. Официантка – глупое. Она застыла в изумлении, показывая свое непонимание происходящего и тревогу. Я посмотрел на девушку в золотом сарафане и по моей спине побежали мурашки. Затем я опять поднял глаза на официантку и стал трясти перед ней салфеткой. На моей спине скопилось столько мурашек, что они слились в единый поток теплоты. Именно теплоты, не прохлады. Официантка хотела спросить, но у нее получилась утвердительная фраза: «Те же виски принести». Я ничего не ответил. Это был не вопрос, и мне не хотелось писать. Официант-

ка, поняв, что не удостоится от меня ответа, повернула сначала в сторону девушки в золотом сарафане глаза, а только затем – голову. Она явно была растеряна, но приобрела от этого еще одну порцию непонимания: моя соседка сделала жест руками, означающий, что она не может говорить, хотя совсем недавно они обменивались фразами у барной стойки. Жертва нашей игры немного улыбнулась, выдавливая искренность из себя, что у нее, кстати, не получилось, и удалилась, медленно развернувшись.

Мы сидели и наслаждались игрой, улыбаясь только лишь уголками рта и глаз. Мы получали от этого удовольствие. Мы нашли общий язык, не сказав ни слова. Красиво. Я чувствовал тогда, что, как и в мыслях на моих салфетках, мы сжимали два мира в один комок, использовали для общения тишину. То, что я написал тогда на салфетках, еще не зная девушки в золотом сарафане, уже начинало сбываться. Мне хотелось, чтобы материализовалось все до конца. Помню, тогда мной овладевали желания взять целую коробку салфеток и писать невообразимо много, чтобы был хотя бы шанс, что это тоже начнет сбываться. Я хотел сложить все свои страхи и переживания в рассказ, а затем его сюжет повернуть так, чтобы они стали исчезать, поедать сами себя, оставляя на своем месте лишь пустоту, на которой можно будет построить новый мир. Я даже начинал верить, что это возможно. Ведь встретился же мне человек, для знакомства с которым не было необходимости в речи. Кто еще может так точ-

но понять меня, не сказав ни слова и не услышав ни слова в ответ, как не этот человек, сидевший напротив меня и выкуривавший очередную сигарету, – девушка в золотом сарафане? Так я думал в те минуты.

Официантка принесла виски, сказала: «Пожалуйста» и удалилась, на этот раз развернувшись быстро. На улице продолжал звучать дождь, а в кафе – песни из старых кинофильмов. Мы сидели и просто смотрели друг другу в глаза. Все, что мне было тогда необходимо, было в глазах девушки в золотом сарафане. Целая вселенная.

Девушка написала: «За удивительное!». Когда салфетка оказалась уже передо мной, я не сразу стал ее читать. Я продолжал смотреть во вселенную еще некоторое время – было невозможно вернуться из космоса так быстро. Уговорив себя сделать это, я перевел взгляд на салфетку, прочитал «За удивительное!» и, взяв ручку с середины стола, написал: «За знакомство!». Передал ей. Она коснулась взглядом моих слов так, как будто заранее знала, что там написано (может быть, она просто видела, что я выводил ручкой на салфетке, а может мне это просто все показалось). Она написала: «Аня». Аня! Аня! Аня! Аня! Аня! Помню, как меня тогда удивило ее имя на салфетке. «Аня»! Я до тех пор не задумывался, как ее зовут, а теперь будто узнал какую-то тайну, как когда ты чего-то не зная и не рассчитывая получить на то ответ, внезапно делаешь открытие, свалившееся тебе как снег на голову. Теперь к ее образу добавилось имя. Я

взял салфетку и написал пять букв: «Артем». Пока писал, я прятал их за своей ладонью, чтобы теперь создать снег летом и для нее. Передал салфетку, она прочла. Я посмотрел чуть выше ее головы, пытаюсь увидеть тучу и идущий снег, но, вместо этого, лампа вдалеке создала над ней иллюзию нимба. Я нырнул в ее глаза – в новый для меня мир. Как удивительно, что в них, таких маленьких, столько всего внутри. И как здорово, что в том мире я нашел место для себя. Вынырнуть из этих мыслей меня заставила салфетка, которую передала Аня. На ней было написано: «Красивое имя». Я ответил: «Твое очень красивое!». Затем я взглянул на запястье, где были часы, и добавил: «21 августа 2005 года, 20:30:09». Передвинул салфетку к Ане и, не отпуская ее, подчеркнул «За удивительное!» и «За знакомство». Мы подняли стаканы с виски и слегка ударили их друг о друга. Аня изящно преподнесла стакан к губам и смочила их, сделав маленький глоток. Я сделал глоток немногим больше, чем Аня, но тут же почувствовал, что пьянею.

Если вы когда-нибудь писали на салфетках, то знаете, что это довольно трудоемкое занятие, по сравнению с письмом, например, в блокноте. Выводить буквы приходится медленно, аккуратно, так, чтобы не порвалась бумага. Правда, можно писать гелиевой ручкой. Тогда письмо будет получаться быстрее, но будет большая вероятность того, что чернила растекутся. У меня в тот вечер была обычная шариковая

ручка. И именно она нас тогда соединяла.

После тостов «За удивительное!» и «За знакомство» мы молча сидели минут пятнадцать, смотря друг на друга, начиная улыбаться уже не только уголками губ и глаз.

В кафе вошел мужчина. Он сел в центр зала и сразу сделал заказ, не взглянув на меню. Явный завсегдатай того заведения. Я бы не стал его вспоминать, да и не вспомнил, если бы не тот факт, что мужчина начал пристально наблюдать за Аней. Она чувствовала на себе его взгляд. Он не отводил от нее глаз, даже когда она смотрела на него.

Через какое-то время девушка в золотом сарафане и моем пиджаке написала на салфетке: «Что ты делаешь в ближайшие дни?»

Я: «Свободен. Для тебя».

Она: «Тогда хорошо. Поедем ко мне».

Я взял новую салфетку и посмотрел на мужчину, который, как прежде, продолжал внимательно изучать Аню.

Я: «Да! Ты его знаешь?».

Она: «Нет. Выходи на улицу и жди меня».

Я вышел. Сильный дождь смывал уличную грязь, и она бежала вместе с потоками воды в канализацию. Город уже был готов стать обновленным, оставалось только дожидаться конца дождя. Но мне тогда хотелось, чтобы дождь не закан-

чивался, я жаждал оставить эту атмосферу как можно дольше.

Я ждал, когда Аня выйдет из кафе. Я думал о ней. Хотя она и закроется от ливня моим пиджаком, но он, непременно, не сможет ее полностью защитить от воды. И тогда ее волосы опять намокнут и завьются, а капли дождя пробегут ручьем по всему лицу, ненадолго останавливаясь на алых губах. Часть этих капель скатится по шее, а часть – упадет на землю и сольется с ручьями, бегущими по земле.

Я вспоминал Анин запах и почти его ощущал.

Я стоял посередине пешеходной улицы, в одежде, за один миг промокшей насквозь, с прилипшими ко лбу волосами. Я посмотрел вертикально вверх. Можно было отчетливо видеть, как капли летят на меня, и, через какие-то доли секунды, можно было их почувствовать сильными ударами по лицу и немного приглушенными – по одежде. Это были приятные удары. Хотелось так стоять как можно дольше, чувствовать силу дождя и слушать его музыку. Музыка, исполняемую ударами капель об меня и каменную улицу. Я слышал именно эти звуки. Только они могли создавать мою музыку. Я закрыл глаза и наслаждался. Через какое-то время мои веки резко открылись. Что-то передернуло меня внутри. Я только в тот момент, впервые в жизни, ощутил, что чего-то не хватает в моей музыке.

Мысль о неправильности моей музыки перебило волнение от долгого отсутствия Ани. Я подошел к двери кафе, спря-

тавшись от дождя под небольшим козырьком. Мне хотелось услышать Анины приближающиеся шаги. При сильном дожде это сделать довольно сложно, но все-таки можно, если суметь разделить окружающий тебя шум на отдельные звуки. У меня получилось, я услышал приближающееся шлепанье босоножек и нарастающий озорной смех. Через секунду я увидел Аню. Она уже улыбалась не только уголками губ и глаз, а звучала приятным гомерическим смехом. И только этот смех делал меня в те минуты, прожитые за секунды, за пределами счастливым.

– Бежим!

Я впервые услышал Анин голос. У меня закружилась голова. Я не мог в это поверить. Аня добавила в игру новые правила – теперь нам можно было говорить.

– Бежим! Чего ты стоишь?

Как странно было слышать Анин голос, впервые, через час после нашего знакомства. Всего час, а казалось, прошла целая вечность. Ее голос был тонким и нежным и одновременно уверенным. Наша игра набирала обороты.

Аня, не останавливаясь, пробежала мимо и, в последний момент, прежде чем удалиться на расстояние большее расстояния вытянутой руки, взяла меня за пальцы и потянула за собой. Я прицепился к ней, как вагон к локомотиву. Ее движения были тяжелы из-за моей маленькой скорости, но когда я понял, что к чему и поравнялся с Аней, ее бег стал легче. Лево́й рукой она размахивала над нами моим пиджа-

ком. Аня смеялась, я тоже не удержался и засмеялся. В моих мыслях водили хоровод события и вещи последнего часа: бутсы, золотой сарафан, завившиеся от воды Анины волосы, наше знакомство через записки, салфетка «ЕЩЕ ВИСКИ. 2», растерянная официантка, Анин глубокий взгляд, неприятный мужчина, музыка дождя, наш побег, затем опять бутсы, золотой сарафан, завившиеся от воды Анины волосы... «Почему я должен был первым выйти из кафе?».

Я обернулся и увидел официантку, стоящую под небольшим козырьком у входа в кафе. Рядом с ней стоял, сильно промокший, тот самый неприятный мужчина. «Почему он такой мокрый?». Я посмотрел на Аню, она – на меня. Она все еще смеялась, но теперь более сдержанно.

– Он сам этого заслужил.

– Заслужил что?

– Я вылила на него графин воды.

Мы бежали, и я слышал совершенно другую музыку. Она была гармоничнее той, моей прежней. Появилась динамика благодаря шлепанью нашей обуви по земле. Рефреном звучал смех. «В моей прежней музыке не было Ани. Пожалуйста, не исчезай. Прошу тебя, только не исчезай».

Мы добежали до такси. Сядясь на заднее сидение, мы взялись за руки. Я чувствовал жаром, как в исступлении мои щеки сделались красными. Как сложно описать первые прикосновения к вождеденному человеку. То мой, то ее: пульс

гулял по нашим ладоням. Мы делились друг с другом одинаковыми внутренними ощущениями. Мне казалось все сном. Невозможно было понять, что со мной происходило.

«Как во сне. Все как во сне».

«Пожалуйста, не исчезай!».

– У тебя паспорт с собой, Артем?

– Да. Он понадобится?

– Я живу в другом городе.

Аня накрашила губы красной помадой и поцеловала меня в щеку. Я достиг верха испуга, выровняв цвет щек с цветом оставленной помады.

«Прошу тебя, только не исчезай!».

2

Две тысячи десятый год. Я открыл глаза. Передо мной – белоснежный потолок. Иногда я встаю на кровать и в прыжке дотрагиваюсь до него – уж так неестественно красиво он выглядит. Я периодически проделываю этот трюк, когда ночью у Ани.

Я коснулся своей ноги, она оказалась ледяной. Аня лежала, отвернувшись от меня, укутанная в одеяло, оставив меня без него. «Сколько я так лежу? Странно, на улице лето, а мое тело холодное». Я вернулся мыслями к Ане и потянулся к одеялу, желая отдернуть его, но передумал будить Аню таким образом. «Аккуратно подлезу к ней». Мне было жизненно необходимо как можно скорее увидеть Аню, прикоснуться к ее телу. Я должен был как можно скорее удостовериться в том, что она существует. Мне нужно было убедиться, что сон – это действительно пауза между вчерашним «сегодня» и сегодняшним «сегодня». «Это ведь так, ничего не изменилось? Она же не могла исчезнуть? Не придумал же я ее? Аня!». Я аккуратно рукой подлез под одеяло. Там пусто! Мне вдруг сделалось страшно. В груди сильно кольнуло и ускорилось сердцебиение. Я схватил одеяло и бросил его на пол.

– Аня!

«Как я мог забыть! Аня говорила, что утром уйдет по делам. Все в порядке. Успокойся. Прошу тебя, Артем, успокойся. Она не исчезла».

«Мне нужно поспать. Я хочу спать».

Я продолжал лежать на кровати, смотря на белоснежный потолок. «Какой же ты красивый. Ровный. Чистый. Даже потолок квартиры спокойствия и тишины делает меня... делает...». Я не мог подобрать нужных слов, мной овладевал сон.

Лесная тропа местами иногда сужалась до такой степени, что при ходьбе приходилось ставить ступни по одной линии. При этом я хватался руками за многочисленные ветки деревьев, чтобы сохранить равновесие и не упасть. Тропа спускалась змеиными изгибами с небольшого холма к лесному озеру, которое с каждым моим шагом все больше проглядывалось меж стволов деревьев. Мы шли вдвоем с отцом. Он, впереди меня, легким шагом преодолевал метр за метром трудной дороги. Ноги отца, казалось, знали каждый изгиб дерновой змеи, каждый корень деревьев, которые только нам попадались под ноги. Он ловко уворачивался от веток, которые намеревались больно ударить в лицо каждого из нас. Я отставал. Ловкость моего тела не позволяла безопасно сравняться с быстрым темпом моего спутника. Мое лицо горело от ударов веток, а колени были изодраны от падений на землю. Я падал, злился, поднимался, догонял от-

ца, получал ветками по лицу, потом опять спотыкался, падал и снова поднимался. Я пытался крикнуть отцу, чтобы он двигался медленнее, но у меня не получалось этого сделать. Отец иногда оглядывался и, видя, как я мучаюсь, безучастно смотрел на меня. Через некоторое время, когда падения, как казалось, стали более частыми, отец далеко от меня оторвался вперед.

Очень хотелось пить, в лесу было душно. Теперь отца совсем не было видно. Во мне затаился страх. Я начал бежать, уже не стараясь уворачиваться от веток. Лицо не горело, его я уже перестал чувствовать, как и боль во всем теле.

Я стремительно приближался к озеру. Уже было отчетливо видно его водную гладь. Я продолжал ускоряться, желая как можно скорее преодолеть остаток пути. Секунд через десять я был уже готов спрыгнуть с небольшого обрыва на болотистый берег. Я приготовился к прыжку. Еще несколько шагов. Неожиданно моя нога зацепилась за корень дерева, который я не заметил. Мой полет начался раньше, чем был запланирован. Я боком упал на берег. Во рту у меня оказались ворсинки мха. Я попытался встать, но у меня не получилось. Я упирался руками в болотную растительность, она проваливалась под моим весом, окутывая руки водой. Через несколько секунд холодная вода, просачиваясь через покров мха, уже обволокла и лицо. Это было приятно после обжигающих ударов веток, но, вместе с этим, становилось тяжело дышать. Я хотел было перевернуться на спину, но это дей-

ствие не увенчалось успехом. У меня совсем не было сил. Руки уже провалились почти по локти. Я почувствовал холод по всему телу и страх. Но паники не было. Отчего-то хотелось воспринимать это все как должное, как неизбежное. Хотелось не дергаться и не кричать, а просто смиренно погружаться в бездну, лишь иногда предпринимая незначительные попытки спастись. В тот момент, когда силы меня совсем стали оставлять, а болото уже поглотило мое тело наполовину, сильная рука вытащила меня на твердую землю. Это был отец. Он смотрел на меня с улыбкой и что-то, совсем тихо, говорил. Затем он протянул мне бутылку с водой.

Высокое солнце опускало свои лучи почти на все озеро. Водная поверхность переливалась сверкающими красками, находясь в небольшом волнении от слабого ветра.

– Красиво!

Я кивнул, соглашаясь, посмотрев на отца. Он присел на корточки, и я последовал его примеру. Мы огляделись вокруг. Девственная природа была чарующей, олицетворяющей покой. Казалось, что урбанизация никогда не ударит топором по этим местам.

В этот момент послышался стук топора.

Я внимательно вслушивался в разрушение идиллии.

– Слышишь? Это ирония! Так звучит ирония!

– Что? Ничего не слышу – ответил мне отец.

– Разве ты не слышишь звуки иронии?

– Нет. Каждый человек слышит и видит только свои иро-

нии.

– А для тебя сейчас есть ирония?

– Да. Я тебя вытащил из болота, а ты даже и не думал, что я тебя спасу.

– В чем же здесь ирония?

Отец промолчал. Он ответил тишиной на мой вопрос.

Неожиданно тишину отца прервал громкий плач. Мы одновременно бросили взгляд в ту сторону, откуда он доносился. Посередине озера дрейфовала лодка с неестественно низкими бортами. Но, несмотря на это, мы не сразу смогли разглядеть в ней плачущую маленькую девочку. Я почувствовал, как отец смотрит на меня. Я повернул голову и увидел, как он выпал вперед и нырнул в озеро. Я вскочил на ноги, не зная, что мне делать. Отец проплыл метров двадцать, затем остановился и начал искать меня глазами с поверхности воды. Но я все еще стоял на берегу.

– Артем, плыви за мной! – крикнул он.

Я послушался отца и нырнул в воду. Когда я поднялся на поверхность озера, отец уже продолжал плыть. Я вновь оказался в роли отстающего, как и тогда, на лесной тропе. Мне было страшно вновь далеко отпускать от себя отца, и я принялся усиленно работать руками и ногами. Я плыл быстро, но отец все равно удалялся от меня.

Совсем скоро отец уже забирался в лодку. Как только он оказался в ней, она, и так не много выступавшая из воды, просела еще, создавая впечатление, что вот-вот пойдет ко

дну. Девочка перестала плакать. По ее лицу продолжали бежать капли, но теперь это были не слезы, а вода от мокрой одежды отца. Ребенок успокоился, но время от времени продолжал всхлипывать.

Хотя я и проплыл небольшое расстояние, мои руки и ноги начали каменеть. Я плыл тяжело, иногда останавливаясь передохнуть, и из-за этого мое продвижение к лодке было совсем медленным.

Мне хотелось на берег, но до отца оставалось плыть меньше, чем если бы я решил развернуться. Тягучая чистая вода попадала мне в рот, и я ее выплевывал. Хотелось снова пить.

В лодке отец что-то шептал на ухо окончательно успокоившейся девочке. Когда я подплыл к ним, она рассмеялась. Это была не насмешка, а радость. Она протянула мне руку, желая помочь взобраться в лодку.

– Залезай к нам!

– Отец, лодка не выдержит нас троих.

– Не выдумывай. Давай залезай.

Я попытался перебросить ногу через борт лодки, но она так сильно опрокинулась, зачерпнув воды, что я оставил эту затею. «Она действительно не выдержит нас всех».

– Давай же, Артем.

– Отец!

– Доверься мне. Я не желаю тебе зла.

– Зла? Отец, я не уверен, что справлюсь. Мы все пойдем ко дну.

Мышцы моих ног и рук уже стали совсем каменными. Мне было тяжело оставаться в таком положении. Мне необходим был отдых, мне необходимо было спасение.

– Отец!

Нужно было принимать решение. Если бы я все-таки решил вскарабкаться в лодку, тогда, с большой вероятностью, она начала бы набирать воду и тонуть. В этом случае пришлось бы плыть к берегу. «Так не проще ли мне сразу сделать это? Зачем нужны лишние траты сил, которых и так уже осталось не много?». Я посмотрел в глаза отца, он – в мои.

«Что мне делать?».

3

– Доброе утро! Хорошо выглядишь, Артем.

Я разговаривал сам с собой, перед зеркалом завязывая галстук. «Я действительно отлично выгляжу».

– В четырнадцать часов у тебя обед с Аней. Так что ты должен очень хорошо выглядеть.

После утреннего кофе я аккуратно застелил постель, словно выгладил ее огромным утюгом. Отец говорил, что это обязательно надо делать – тщательно застилать постель. Я никогда не спрашивал у него, почему он так считает. Я принимал его слова на веру. Я всегда слушался отца.

«Что означает этот сон?». Я проснулся, не узнав, какое решение я принял. «Что было дальше? Я залез в лодку? Она стала тонуть? Или я сразу поплыл на берег? Как часто сны обрываются на самом интересном моменте».

«В чем заключается природа сна? Интересно. Я так мало об этом думал. Стоит ли придаваться анализу снов или это не имеет практической выгоды?».

– Доброе утро! Пей кофе. Целую. Помнишь про обед в четырнадцать часов?

Я проговаривал Анину записку, которую нашел висящей на холодильнике.

– Доброе утро! Хорошо. И я тебя. Помню.

Я представлял Анину улыбку, которая, без сомнения, была на ее лице, когда она писала мне эту записку. «Твоя улыбка. Мое море в этом пыльном городе».

Когда я сел в машину, Аня улыбалась. Мы поздоровались лишь тишиной, но она стояла сотен приятных слов. Не нужно недооценивать тишину. Она достойна самого пристального внимания.

– Хорошо выглядишь.

– И ты.

– Артем, в ресторане мы будем не одни. К нам присоединятся Кристина и Марк.

– Кто? Зачем они приедут? Что им нужно?

– Кристину ты помнишь...

– Помню.

«Я не хочу видеть Кристину. Я не хочу видеть Кристину. Если бы я только знал заранее, что она приедет на обед... Я думал бы об этом так долго, пока бы мои мысли не материализовались».

– Все будет хорошо. Марк – ее друг.

– И что им нужно?

– Артем, люди встречаются, рассказывают друг другу ис-

тории. Это свойственно человеку и ты это знаешь. Кроме того, у тебя совсем...

– Нет друзей. У меня целых два друга...

– Я и отец. И тебе этого достаточно. Я знаю.

– Аня, мне страшно.

– Я всегда рядом с тобой. Если что-то пойдет не так, ты просто скажи мне об этом. Просто скажи. И мы сразу уедем.

– Хорошо. А куда мы уедем?

– Куда только пожелаешь.

– Хочу туда, где пальмы.

– Тогда мы обязательно поедем к ним.

– Вместе? Скажи, что вместе.

– Конечно вместе, Артем.

– Я люблю тебя! -...

«Не хочу больше думать о Кристине. Все будет хорошо, Артем».

Аня больше ничего не говорила, как и я. Суетливые улицы города проплывали мимо наших глаз. Мы, задумчивые, так много общались друг с другом тишиной. С ней же мы покинули машину, припарковавшись на соседней улице от ресторана. Аня обняла меня, и мы, любуясь друг другом, преодолели расстояние между ручками дверей – машины и дверей ресторана.

«Среда может состоять и всего из одного человека».

– Аня, я твоя среда.

– Не понимаю, о чем ты, но я тебе верю.

– Я знаю.

Я поздоровался с Кристиной и Марком, которые уже ждали нас в ресторане, затем помог Ане сесть за стол и только потом вышел из своих мыслей, все осознав. Так бывает, когда мысленно создаешь картинку в голове параллельно картинке глаз – представляешь то, что тебе сейчас интереснее реальности. Мне была интересна Аня. Я вышел из машины, не задумываясь о тяжести предстоящего обеда. В какой-то момент я о нем забыл, представляя нашу с Аней поездку к пальмам, и от того не чувствовал волнения, страха. Аня растворила меня в мыслях о нас, унесла в другую галактику одним взглядом. Ее рука опустилась на мою талию: мягко, заботливо. Я почувствовал себя защищенным. Никто и ничто не способно проникнуть за высокие стены спокойствия, которые воздвигла для меня Аня за несколько секунд. «Умеет она это делать».

– Как дела?

Марк – брюнет, среднего роста. Что еще сказать? Даже не знаю. На нем были очки. Я не хотел его разглядывать. Я вообще не хотел поднимать взгляд со стола до тех пор, пока рядом находились чужие мне люди. «Зачем Аня их позвала? Интересно, они что-нибудь знают обо мне? Одно непра-

вильно подобранное слово, один лишь необдуманый поступок...

– Артем, как дела? Арте-ем. О чем ты думаешь? – заговорил со мной Марк.

– Тебя зовут Марк?

– Да, а тебя – Артем. Верно?

– Верно.

– Как твои дела?

Марк настаивал на своей фатической коммуникации. Я посмотрел на Аню, ее глаза больше не уносили меня в другую галактику. «Аня, пожалуйста, посмотри на меня так, как умеешь это делать. Унеси меня. Прошу, унеси». Аня не смогла прочесть моих мыслей, поэтому не посмотрела на меня. Она была увлечена беседой с Кристиной. Я оставался сидеть в ресторане с чужими людьми. С чужими людьми и Аней.

– Артем? – не унимался Марк.

– Все хорошо, Марк.

– И у меня.

«Я разве спрашивал?».

– Я знаю, ты не спрашивал, но так принято.

«Ты читаешь мои мысли? Даже Аня не всегда это умеет».

– Это для адаптации. Теперь я буду знать, что ты дружелюбно относишься ко мне, Артем.

«Это что, шутка такая?»

– Марк, это называется фатической коммуникацией.

– Да, точно. Фатическая коммуникация.

– Ты точно знал?

– Что?

– Ты точно знал, как это называется?

Марк утвердительно кивнул головой и, после этого, не произнес ни слова за минут пять. Аня с Кристиной о чем-то эмоционально продолжали разговаривать. Я совершенно не улавливал сути диалога. Марк тоже. Он отчего-то нервничал. Я это понял по его рукам. Они то поправляли прическу, то наигрывали какую-то мелодию ударами пальцев по столу. Я ждал, что Марк будет продолжать блиц-опрос, задавая глупые вопросы, но этого почему-то не происходило. Мне стало дискомфортно – теперь от того, что он молчит. Словно маленькие шарики щекотали меня внутри. Они бегали по всему телу, соударяясь между собой, сливаясь, принося еще большее ощущение дискомфорта. Это чувство бременем ложится ровным слоем на твой окружающий мир, и через какое-то время тяжесть взаимного молчания не оставляет тебе ни одного шанса и ты вступаешь в разговор первым.

– Марк.

«И это все? Тяжесть взаимного молчания перевесила страх перед незнакомым человеком всего на четыре буквы? Марк?».

– Да, Артем?

Я больше не хотел произносить ни слова. Марк. Его имя, произнесенное мной, прервало тяжелую тишину. И этого было достаточно.

Я взял Анину руку и положил ее на свою талию.

– Артем работал в журнале. Писал о странах. Он много путешествовал.

Я убрал Анину руку. Я не мог поверить своим ушам. «За-чем ты рассказываешь обо мне? Нет, ты же не станешь...».

– Как интересно. И где ты был, Артем?

Наступила очередь блиц-опроса от Кристины. «Я не буду отвечать. Тишина, вернись, я передумал! Пожалуйста, тишина. Вернись. Прошу».

– Он много где был. Да, Артем?

«Аня, перестань. Прошу». Я нашел глазами стакан воды, стоящий на нашем столе, схватил его и огромными глотками выпил всю воду. Мое лицо горело. Мне было страшно. Ноги начинали каменеть. «Мне надо уйти, убежать, пока они еще хоть как-то слушаются меня. Ноги, не каменейте!». Мой внутренний мир был в огне. Мне было плохо. Аня, Марк и Кристина этого словно не замечали. Они не видели ничего, кроме друг друга. Мое покрасневшее лицо должно было им хоть что-нибудь сказать. Но нет. Этого не происходило. Казалось, что если упадет метеорит рядом с рестораном, то они, не замечая выбегающих из помещения и кричащих людей, будут требовать десерт у пробегающего мимо официанта. В данный момент десерт они требовали от меня.

– Это здорово! Какая страна тебе нравится больше других? – кто-то из нашей компании задал мне вопрос. «Чей это голос? Марк? Кристина?».

Марк и Кристина, чужие для меня люди, позволяли себе слишком многое, и Аня не пыталась их остановить, а даже наоборот – поддерживала. Надо было пересилить себя и попробовать выйти из этой ситуации, иначе она добила бы меня. Мысли вертелись одна за другой. Я отчетливо увидел взрыв поезда, бег людей и услышал их крики. Я даже огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что кричат не в ресторане, а в моей голове. У меня кто-то что-то спрашивал. Но я уже не мог ничего разобрать. Как контуженый солдат, который не может спастись от артобстрела, я продолжал оставаться на месте, сидеть за столом, находясь под словесным огнем Ани, Марка и Кристины.

«Я иссяк».

Ноги, на мое удивление, поддались мне. Они разрешили мне удалиться. Под искрометным огнем вопросов, под взрывами интенсивной речи обо мне, я все-таки встал из-за стола и вышел в уборную. Там я стоял перед зеркалом в параллельном мире, видя перед собой испуганные глаза людей того утра. Я умылся холодной водой, пытаюсь смыть страх, но этого не получилось сделать.

«Почему? Почему мои ноги послушались меня? Почему вы послушались, ноги?».

Аня меня не обманула. Все было действительно хорошо. Город опять проплывал мимо наших глаз. Я смотрел на него безучастно, как на данность, как смотрят на поезд, что про-

носится по железнодорожному переезду. Ты слышишь его громоухание. Оно нарастает. И вот, твой взгляд растворяется в размазанном изображении вагонов. Вскоре уже виден конец поезда, его последний вагон, за которым вновь откроется привычный вид. Я уже вышел из машины, поднялся на третий этаж и сел в удобное кресло. Но перед тем как вновь увидеть привычный вид, я закрыл окно, чтобы не слышать поезд, который почти уже скрылся из виду, но продолжал громоухать машинами, голосами людей, лаем собак и прочим безумием огромного города.

Аня со мной не разговаривала, боясь потревожить меня. Я тоже. Тоже боялся потревожить себя.

«Мы должны поехать к пальмам».

Я всегда возвращался в Анину квартиру с большим желанием. Она стала для меня оплотом спокойствия, не говоря уже о самой Ане: один ее взгляд уже приносил размеренность в мой мир; она всегда умела управлять временем. Иногда годы превращались в секунды, а иногда наоборот – секунды в года. Она была темпоральным волшебником и изменяла время по моему желанию, которое она знала лучше меня, а порой и вместо меня.

Я дотронулся до дверного звонка, однако не позвонил – стал отводить руку обратно к карману, но не убрал ее, а отправил ко лбу и поправил прическу. Я волновался. Иногда такое бывает, когда сильно ждешь чего-либо, как я встреч с Аней, в последний момент, когда уже время подходит и цель близка, ты останавливаешься на несколько секунд, чтобы еще немного насладиться терпким волнением ожидания. Человек, наверное, так устроен, что часто живет либо прошлым, либо будущим. Он то вспоминает, то ждет. Мое будущее, которое должно было уже наступить несколько секунд назад, но так и не наступило, вдруг стало прошлым. Я поправил ворот рубашки. Я волновался. И наконец, я решил вернуть прошлое в будущее, а будущее превратить в настоящее – я позвонил. Можно подумать, что я тоже умею управлять временем, как Аня, но это не так. Это другое. Она

умеет замедлять или ускорять время, у меня же получается только откладывать поступки на потом.

Кружева дня из моих шагов, фраз и мыслей привели меня к квартире спокойствия и тишины, и теперь Аня уже открыла дверь. Она встретила меня, улыбнувшись лишь уголками глаз и губ. И этого было так много. Лишь этого было уже так много.

На мне были серые укороченные брюки и утепленный пиджак, и я чувствовал себя голым. Как только дверь квартиры спокойствия и тишины исчезла за моей спиной, меня окутала полутьма прихожей и Анин силуэт. Анин взгляд меня раздевал. Раздевал, как раздевает мама ребенка, пришедшего с прогулки в грязной одежде. Хотя одежда на мне была чистой, она все равно сползала с меня, заботливо избавляя от грязи людской суеты огромного города. «Я дома» – подумал я.

Я хотел было сделать шаг вглубь полутьмы, но вдруг обратил внимание на Анин живот. Он был значительно больше, чем обычно, но при этом не был огромным. Я оцепенел в недоумении, стал вспоминать, как давно я не видел Аню, а я точно не помнил этого: день, два, неделя, месяц. Все кружева моих дней побежали в обратном направлении, желая вернуться к той моей Ане, которую я видел до моей сегодняшней. Оказалось, она находилась на расстоянии шести дней в прошлом от этого момента. Она мне тогда сказала «пока» отвернувшись, затем повернулась вновь и сказала...

и сказала...

– Я скучала! – сказала сегодняшняя Аня.

Мне показался смешным тот факт, что человек может пережить сам себя из шестидневного прошлого.

– Возможно, ты голоден? – продолжала Аня.

«Как много общего между вами, тобой из прошлого и тобой из настоящего. Ты совсем не изменилась, как и я за эти шесть дней. Все в порядке!»

В этот момент из-под Аниной кофты выпала небольшая подушка – тот самый живот, который меня смутил. Я, растекшись в улыбке, протек из коридора на кухню, абсолютно голый и защищенный, что зачастую противоречит друг другу, но только не в этом случае, только не в этот момент, что был сложен чередой событий нашей жизни в мозаичное полотно.

– Я люблю тебя! -...

Мы сидели на кухне и пили кофе. Его аромат струйкой долетал до наших носов, а затем, посредством диффузии, окутывал все пространство квартиры. Это был любимый аромат и у нас еще оставалось немного времени для того, чтобы насладиться вкусным запахом, пока мы к нему не привыкли и не перестали ощущать так сильно. Аня рассказывала о своих днях, проведенных без меня. Она много жестикулировала, меняла интонацию, смеялась, ее голос сменял звонкую речь на шепот, а затем обратно – она не говорила, а играла музыку. Иногда я терял нить рассказа и просто наслаждался

Аниной музыкой. Мне было приятно от одного присутствия этой женщины рядом со мной. Если захотеть, можно услышать шум прибоя. И пение птиц, которых никогда не видел. Под огромным деревом можно ощутить себя ребенком, слушающим перебирание ветром колосьев поля. А рядом с ногой вдруг прыгнул кузнечик, и трава слегка прощуршала. Буквально через несколько секунд кузнечик прыгнул снова, ударился об мою ногу и упал в траву. И это были особенные звуки, ни на какие другие не похожие. И вдруг картинка поменялась, как поменялись и звуки. Мне шесть лет. Рядом со мной моя бабушка, которая держит меня за руку. Мы стоим перед висячим мостом в деревне. Она боится идти. Я выдергиваю свою руку со звуком скользящей кожи из ее ладони и, высоко поднимая ноги, начинаю бежать по мосту. Мои босоножки громко соударяются с деревянным настилом моста, при этом мост начинает раскачиваться в разные стороны, подстраиваясь амплитудой под мой бег. Его металлические прутья, на которых он держится, начали скрипеть с моим первым шагом. Где-то закричал петух. А мост все громче и громче скрипит, его скрип становится неестественно резким. Я остановился, не добежав чуть-чуть до другого берега, и обернулся посмотреть, где бабушка. Ветер ударил по моим ушам с невероятной силой, словно делая это специально, пытаясь мне что-то сказать. Затем ветер ударил по деревянному настилу моста и едва различимый звук долетел до меня, а может мне это послышалось, уж больно тонок звук прикос-

новения ветра о доски. Бабушка оставалась стоять на прежнем месте, она не сделала ни шага, ее голос выражал тревогу. Я не слышал, что она говорит, но это точно была тревога. Остатки ее слов летели с попутным ветром в мою сторону и, ударяясь о мои уши, почти не задерживались в ушных раковинах. Я посмотрел на небо: собирался пойти дождь. Просинь затягивалась тучами с невероятной скоростью, они словно участвовали в соревнованиях по бегу, сливаясь в одну большую тучу. За моей спиной, неожиданно, послышался баян. Я обернулся к берегу, к которому не так давно бежал. Я не видел баяниста, только слышал его веселую мелодию, которая вдруг дополнилась звуками перелива вод реки. До этого момента музыка воды не доносилась до меня, словно ее вовсе не было, но теперь она журчала игриво, перебирая небольшие камни на берегу, что были подо мной, ниже метра на два. Тучи продолжали набегать с большой быстротой, за несколько секунд поглотив всю небесную синеву. Послышался раскат грома, чуть поодаль, затем еще ближе и громче, и очередной раскат должен был ударить сильно, потому как молния коснулась земли не так далеко в поле. Я приготовился услышать мощный удар, напрягся. Первые глухие, робкие звуки грома уже донеслись до меня, и его продолжением стал раскатистый, веселый Анин смех.

– Ты что, закрыл глаза? – сквозь смех спросила Аня.

Я открыл глаза и улыбнулся.

– Я немного устал. Прости меня.

Аня продолжала смеяться. Ее ладонь скользнула по волосам и сползла на щеку, став опорой для головы на столе. Ее вторая ладонь прикоснулась к моей щеке.

– Поспи немного на диване, пока я схожу в магазин. Или, если хочешь, я могу разобрать кровать?

Я лежал на диване, проваливаясь в сон. Мои мысли и зарисовки из дня завертелись калейдоскопом. Я еще около минуты чувствовал подергивание своей ноги, но в один момент все исчезло на целый час.

Я всегда любил просыпаться в Аниной квартире, когда ее хозяйки нет дома. Пустынные комнаты чаруют атмосферой остывшей жизни. Жизни, что обязательно вернется позже, но в эти моменты, без нее, квартира превращалась в музей. Можно было, не отвлекаясь ни на что, изучить быт человека, прохаживаясь по комнатам и разглядывая интерьер. Это как оказаться в Лувре или Эрмитаже ночью, когда нет посетителей. Точно не знаю, есть ли в музеях охранники, которые патрулируют коридоры с большими фонарями. Во всяком случае, их показывают в кино. В моей интерпретации эти самые охранники превратились в аквариумных рыбок, что, в отличие от ночных музейных охранников, ведут себя более пассивно и незаметно и даже не подозревают, что руки, которые их кормят, сейчас находятся далеко. Я подошел к аквариуму и высыпал корм на поверхность воды.

Анина квартира поражала большим количеством пред-

метов, но все они находились на своем месте и не выбивались из общей атмосферы спокойствия и тишины. Этот факт удивлял меня. В комнатах было много вещей из разных стран, словно огромный мир умещался в одном помещении.

На стене я увидел африканскую маску, которую раньше не замечал. Она притянула к себе мое внимание, замостила дорожку моим интересом с середины комнаты напрямик к ней. Африканскими народами маски используются для отправления культа. Африканцы могут придавать культ многим вещам. Так, например, народ Ашанте в Гане придает культ стулу. Они верят, что в стульях живут духи. К этому предмету интерьера они относятся очень внимательно, передавая его по наследству от отца к сыну, и приносят ему каждый год жертву. Что касается масок, то они используются многими африканскими народами. В зависимости от культа изменяется вид маски. Так, например, маски со спокойными лицами обычно изображают умерших родственников, они используются при погребальных обрядах. А для охоты за нечистой силой или при традиционных празднествах – устрашающие маски. Их обычно делают из дерева, причем мастеру и его инструменту, для изготовления маски, уделяется временами не меньшее внимание, чем к самому результату работы. Топор мастера считается священным, им нередко приносились жертвы до этого. Мастер удаляется подальше от посторонних глаз с рассветом и возвращается с закатом, пряча на ночь незавершенную маску у колдуна. Евро-

пейскому человеку африканская маска пришлась по вкусу, особенно в начале двадцатого века. Конечно, для европейца не может идти речи о придании маске соответствующего культа, она полюбилась, скорее, как экзотический предмет интерьера.

Между прочим, африканские маски собирал и Пабло Пикассо. По мнению искусствоведов, именно африканская маска оказала влияние на становление кубизма. Кубизма, который так любим моей Аней. Я стоял перед маской, разглядывая каждый квадратный сантиметр ее площади. Я совершенно не понимал культа той маски, как не понимал настоящая ли она или сувенирная, сделанная в Китае, например. От этих мыслей мне становилось почему-то не по себе.

Один индус, с которым я познакомился в Индии, поведал мне интересную историю. Солнце белило яркостью улицу, и, казалось, это явление так же старо, как и архаичность сюжета того рассказа, что я услышал. Он поведал мне о средней Индии. Точного географического положения деревень я не запомнил, как не запомнил и названия региона страны и имени собеседника. Атмосферная идиллия гоанских улиц способна растворить в своей неторопливой жизни, она словно диктует тебе свои условия и направления череды событий. И у тебя остается два варианта: согласиться на безмятежность течения бытия или паковать рюкзак и возвращаться в свои родные, привычные места. Я сделал выбор в поль-

зу первого варианта и принял новое случайное знакомство с рассказом про среднюю Индию.

Итак, много улыбающийся и не совсем опрятный индус поведал мне следующее. В некоторых деревнях, куда крайне редко ступает нога путешественника, и отсутствуют привычные символы цивилизации европейских городов, остались страшные многовековые традиции. Одна из них – воровство ребенка из соседней деревни. Ребенка боготворят, оберегая от всего. Для него самая лучшая еда в деревне, и в том количестве, которое он пожелает. На многие годы он может стать объектом преклонения, пока однажды «природа» не сыграет злую шутку с ним. В неурожайные годы, чтобы задобрить духов и спастись от голода, этого самого откормленного и обласканного ребенка, что был культом не один год, разносят по домам, предварительно тщательно переломав ему все кости и разрезав на небольшие куски. Это не что иное, как жертвоприношение. И части ребенка, что разнеслись по всем домам деревни, должны принести удачу и спасти урожай.

Можно отнести к вере в этот рассказ по-разному. Но у меня почти не было выбора после того, как я пожил в Индии почти три месяца. Культура этой страны настолько велика и непостижима для европейца, что временами я отказывался верить своим глазам.

Я отвернулся от маски и пошел обратно в центр комнаты.

Я бросал взгляды то на одни предметы, то на другие. Их все я уже видел, и они представляли для меня интерес не по отдельности, но в совокупности, своим заполнением жилого пространства. Было комфортно.

У Ани много картин, она пишет. Периодически показывается на городских выставках, на которых можно не только полюбоваться живописью, но и купить работы художников. В одном из углов комнаты стояли стопкой прислоненные к стене картины. Я стал их внимательно перебирать, но не найдя ничего нового, уселся в кресло. Оттуда просматривалась вся комната, ни одна мелочь не была способна ускользнуть от моих глаз.

И тут, я заметил совершенно удивительную вещь. Она настолько меня потрясла, что внезапно повеяло безысходностью и очевидностью безмерного любопытства, и в один миг бессознательное подняло меня с кресла и доставило прямоком к двери другой комнаты. Дверь была чуть приоткрыта, приоткрыта так, как приоткрываются завесы тайны, не дающие тебе покоя очень многие годы, но при этом заставляющие тебя отступить от одной лишь мысли разгадать загадку, узнать правду. Обещание никогда даже не пытаться думать об этом искушении висит на тебе тяжелой ношей ответственности и честности перед самим собой и перед Аней, – не ношей детского любопытства или взрослого подозрения Аниного предательства. Вера была со мной всегда – в ту спасительную игру, что мы начали в первый день знакомства в ка-

фе, правила игры, которой знали только мы. Ни один другой человек не смог бы никогда присоединиться к нашей игре, потому как она по определению рассчитана только на двоих, и измени хоть на йоту расстановку поведения, эта игра перестанет быть таковой, и превратится скорее в сумасшествие.

Я подошел к двери, что вела в комнату, которую Аня называла мастерской, и в которую мне ни в коем случае нельзя было никогда заходить. Таковы были правила нашей игры, и я их принимал без толики сомнения. Дверь всегда была закрыта на ключ, а ключ всегда был при Ане. Но в этот раз, впервые, дверь была приоткрыта. Через образовавшуюся щель нельзя было что-либо разобрать издали, только подойдя вплотную. Мне было волнительно. «Может быть это часть игры?» – подумал я – «Только в чем смысл? В том, что дверь приоткрыта, но мне как прежде нельзя переступить через ее порог или теперь мне можно ее распахнуть и зайти в тайную комнату?» Мне нужно было найти правильное решение.

Я закрыл дверь и уселся на пол, облокотившись на нее спиной. «Я в любой момент могу ее открыть. Только стоит ли это делать? Ушла ли Аня специально, оставив дверь приоткрытой? Но ведь она ее не открыла полностью, а лишь приоткрыла. Что это могло означать? А вдруг она по ошибке забыла ее запереть, просто забыла и все?». Тогда у меня было слишком много вопросов. Главным направляющим в нашей игре всегда была интуиция. И только ей можно дове-

рять, не опасаясь ошибки – она исключена. Когда дело касается двух близких людей, близких настолько, что усредняется их модель поведения, поглощая взаимные привычки, оттенки голоса, и уже подстроенные биоритмы выстраивают один общий метаболизм, – вы меняетесь где-то на уровне подсознания и ДНК. И самый надежный способ узнать ответ, при невозможности задать вопрос, – интуиция.

Я решил не открывать дверь.

Поднимаясь с пола, я задел спиной торчащий из замочной скважины ключ. Оказалось, он был там, а я на него не обращал внимания. От поворота ключа против часовой стрелки механизм замка щелкнул. Этот звук означал одно – я не узнаю, что находится за дверью, которую теперь уже охраняет металлический сторожевой. Пароль для охранника – ключ – отправился в Анин плащ, а я ушел в противоположную сторону – на диван.

Я вздохнул, моя нога дернулась, и я полетел в сон.

От поворота ключа по часовой стрелке механизм замка щелкнул. Теперь металлический сторожевой уличной двери принял свой пароль, и Аня зашла в квартиру. Я проснулся от скрипа двери и был этому рад, потому как это означало одно – мы будем вместе с Аней.

Из Аниной сумки вкусно высовывался багет. Франция подарила миру не только Коко Шанель, Пежо, Камамбер, Бо-

жолe, но и женщин, которые ходят за ароматным багетом, что так щедро делится с миром своим пшеничным благоуханием, выглядывая из сумки, словно изучая мир, который его боготворит. Если ты безмерно голоден, длинная вкусная выпечка может на несколько минут затмить все французские достижения, все французское искусство, но только на несколько минут, пока еще ломается хрустящая корочка багета. В Париже она ломается около полумиллиона раз на дню – именно столько продается в столице Франции вытянутого хлеба каждый день.

В Аниной квартире корочка багета сломалась один раз, и сварилось две чашки кофе. Мы вновь сидели на кухне, словно Аня никуда не уходила и, казалось, время обернулось прошлым, но это только казалось, потому как ключ от Аниной мастерской лежал в ее плаще, такой вожденный и такой неприкосновенный.

В этот день мы долго сидели в гостиной. Наш ужин стыл от невозможности посвятить ему время, которого нам и без него так не хватало друг на друга. Вязка событий допоздна звучала словами в комфортном пространстве комнаты. Свет солнечный сменился на искусственный свет ламп, и луна за окном белесо светила, пытаясь еще больше скрасить наш вечер. «Перед сном надо оставить Луне чаевых» – подумал я и коснулся губами до Аниной шеи, которую она выгнула от пришедшей ласки, закрыв глаза.

5

Зрители, которые проливают слезы у моих картин, переживают те же религиозные переживания, что испытывал и я, создавая их.
Марк Ротко, 1965

В город привезли работы Ротко. Мы с Аней выбежали из квартиры, размахивая весенними платками. Уже на улице мы их завязали друг другу на шеях, одновременно, словно перед зеркальным отражением. Иногда наши руки путались между собой, мешая аккуратности и быстроте движений, но каждый раз они ловко выходили из затруднительного положения и инстинктивно подбирали пути к нашим шеям.

Мы сели в машину: я – на место пассажира, Аня – водителя. Город пролетал мимо наших глаз, пока не остановился на галерее, в которой экспонировалось абстрактное поле Марка Ротко.

Я познакомился с Марко Ротко во Франции...

Из Парижских улиц четвертого округа громадой выполз культурный центр Жоржа Помпиду. Моя наполовину выкуренная сигарета отпала от губ и опустилась вместе с рукой вниз. Она так и оставалась где-то посередине между землей и ртом, пока не догорела. Судьба ее такова, что даже после своей «смерти», она не смогла найти покой, и снова была

смочена моими губами, хотя от сигареты оставался один потухший фильтр. Тот вид, с которым встречал меня центр, нельзя было назвать величественным или помпезным или абстрактным. Я тогда не мог подобрать, как и сейчас, эпитеты к этому зданию. Оно поражало нелогичностью своего размещения среди парижских улиц. Его необычная архитектурная идея нашла себя в расположении технических конструкций снаружи здания: эскалаторы, лифты, трубопроводы и арматурные соединения не были спрятаны от глаз человека, но, наоборот, прятали собой привычный вид стен здания. Кроме того, эти самые технические конструкции были выкрашены в различные цвета: вентиляционные трубы в синий, водопроводные – в зеленый, электропроводка – в желтый, эскалаторы и лифты – в красный.

Я, пораженный и одураченный нестандартной формой сооружения, оказался внутри здания. Внутри центр Помпиду показал более стандартные формы современных музейных площадок, и я отложил восхищение конструкцией здания на время, когда я снова смог бы лицезреть видение архитекторов Винцо Пьяно и Ричарда Роджерса с улицы. Мое любопытство теперь было сосредоточено на работах, представленных в том месте, в тот день внутри здания. Среди всех прочих художников и инсталляторов, наибольший интерес вызвал симпатичный мне Эдвард Мунк. Я тогда впервые видел его картины вживую, и они вызвали во мне сильно переживание. Мне пришлось чуть позже лететь в Осло, чтобы

еще раз увидеть те же самые работы, по которым я испытал огромную неутолимую жажду после Парижа.

Я встретил Марка Ротко случайно. В одном из длинных коридоров Помпиду я увидел маленькое темное пятно далеко впереди себя. Я среагировал как мотылек на свет (пусть темный) и устремился к нему, хотя знал, что могу погибнуть, если это действительно Ротко. Это был Ротко. Он притягательно и, одновременно, неброско висел картиной, безмятежно воспринимая лежащее на полотне освещение и взгляды посетителей Помпиду. Я встал сбоку от Ротко, постепенно перемещаясь к центру, занимая место отходящих от картины людей. Вместе с воздухом я вдыхал свободу, проваливался в глубину картины, которая меня манила. И чем ближе я стоял к полотну, тем сильнее чувствовал, как затягивает меня в краски художника. Это была картина «№14 (Коричневое на темном)». Рядом с ней я простоял около часа, а может, меня целый час и вовсе не было возле нее. Может быть, я вошел внутрь темных красок и даже, может быть, вышел с другой стороны картины.

Потом я еще долго стоял перед центром Жоржа Помпиду, с сигаретой, что осыпалась пеплом между землей и губами. Я выжил, но стал другим.

Мы вошли в зал. Мы волновались и оба это знали. Долгожданная большая выставка Марка Ротко собрала разно-

шерстную публику. Сочетание цветowych пятен без четких границ, несколько прямоугольников действовали на всех по-разному. Кого-то холсты манили, люди с волнением входили в картины и выходили с другой стороны спустя долгое время. Другие испытывали любопытство временами попросту от того, что некоторые посетители входят в картины и там остаются.

– Пойдем! – послышалось рядом с нами. Это девушка обращалась к своему спутнику. Он стоял перед одним из полотен, немного приподняв руку.

– Подожди! Я, кажется, понимаю – ответил ей юноша. Потом резко опустил руку, повернулся к девушке и рассмеялся – Ты поверила?

– Не поверила! Пойдем!

Аня рассмеялась. На моем лице проскользнула улыбка, но мне было не смешно.

Нас ждал Ротко во внушительном количестве. Огромные цветастые полотна окутывали залы буйством красок. И мы принимали те мысли, которыми делился с нами художник.

Войдя в одну из картин и выйдя с другой ее стороны, мы сели на скамейку, которая освободилась буквально перед нами. Мы водили глазами по всему залу, уже бегло, но наслаждались от этого не менее вдумчиво. Аня положила ладонь на мою руку. Я ее перевернул, и открыл свою ладонь для крепкой хватки, в которой в тот же момент оказались наши руки.

– Мне хорошо с тобой! Хорошо от того, что мы можем вот так вот сидеть у Ротко в гостях. Хорошо от того, что он нам одинаково нравится – заговорила со мной Аня.

– Не одинаково. Мне тоже хорошо! – ответил я и заглянул ей в глаза.

– Одинаково! Ты так много знаешь! Ты молодец! – Аня прильнула головой к моему плечу и продолжила – Ты большой молодец! Молодец!

Она приподняла свою руку вместе с моей и стала легко ею покачивать вверх-вниз, слегка ударяя косточки моих фаланг об скамейку.

– Перестань. Нет предела для развития человека! – немного задиристо ответил я.

Аня перестала покачивать наши ладони, и они ненадолго приостановились, но я подхватил это действие – взял покачивание в свои руки.

– Перестань утверждать, что я лучше тебя понимаю Ротко, например. Это не так. Ты многому меня научила – продолжал я.

В этот момент я вспомнил о двери тайной комнаты, которая была приоткрыта и которую я закрыл. Закрыл, и сторожевой принял пароль. Меня бросило в жар, как от первого поцелуя. «Как от первого поцелуя» – подумал я.

Аня прикоснулась влажными губами к моим, отчего-то сухим.

– Что с тобой? У тебя такой вид, словно я тебя впервые

поцеловала.

– Мне почему-то тоже так показалось – шепотом проговорил я.

И мы вновь поцеловались.

– Теперь второй поцелуй – снова прошептал я.

Мы сидели так некоторое время, периодически дурачась: легко толкали друг друга, щипались и игриво обменивались поцелуями – украдкой, пока нас никто не видит, пока окружающие нас люди увлеченно погружались в разные эмоции от цветковых прямоугольников Ротко.

Ребенок видит мир чистым. Он не боится чувств, он не знает, что их можно скрыть. Хороший поэт должен становиться ребенком в процессе созидания; временами он находится в наивной слепоте, но его мысли духовны и задиристо откровенны. Наверно, оттого люди и пишут друг другу стихи, когда влюблены: они испытывают одно из основных первородных чувств. Как дети, не задумываясь, тянутся к матери, так порой взрослый человек слепо следует любви.

– Я люблю тебя! -...

– А вы знаете, что в две тысячи втором году вышла посмертная книга Марка Ротко «Реальность художника: философии искусства»? Рукопись книги долгое время считалась потерянной. Ее редактированием занимался сын художника. Как же его зовут... как-то... Крис... Кристофер! Точно – Кристофер. В книге Марк Ротко размышляет о свете, цвете

и пространстве, а также о пути к высшей реальности, которая может с помощью них открыться. – Перед нами стоял Марк. Только не Ротко, а Марк из ресторана, когда было землетрясение, а Аня и ее друзья делали заказы у спасающегося бегством официанта; а я горел в уборной.

– Привет! – весело сказал Марк и протянул руку Ане, затем мне.

Мы тоже поздоровались «приветами» и рукопожатиями. «Что он тут делает? Какого черта происходит? Он что, ценитель искусства?» – вопросами звучали во мне мысли о Марке. Только не о Ротко, не о том, что создавал во мне идиллию, а о том, который ее разрушал.

– Какая необычная встреча, Марк! Тебе нравится Ротко? А ты чего, один пришел? А где Кристина? – посыпались Анины вопросы на Марка.

Он что-то отвечал, я его не слушал. Мне не нравился этот человек, который вот так вот легко, уже второй раз, ворвался в мою жизнь, делая вид, что мы лучшие друзья.

– Марк, я не твой друг! – неожиданно для самого себя перебил я Марка.

Он вопросительно посмотрел на меня. Аня взяла меня за руку и крепко сжала ладонь. Она знала, что мне не нравится Марк, но при этом не пыталась меня спасти от нежеланного для меня общения. Наша игра постоянно набирала обороты и теперь разогналась до бешеной скорости, на которой мы входили в крутые повороты новых дорог, новых

путей, новых событий. Казалось, она вышла из-под контроля. Мне захотелось остановиться или хотя бы выпрыгнуть на ходу. Лучше катиться кубарем по дороге, сбивая локти в кровь, но зато скорость будет куда меньше, чем у игры – у механизма, который мы с Аней однажды запустили в кафе, познакомься друг с другом.

Аня бросила на самотек мои переживания и позволила Марку ответить невпопад на мое замечание.

– «Искусство – это всегда последнее обобщение. Оно должно приносить в нашу жизнь осознание бесконечности» – процитировал Ротко наш Марк.

– «Наша среда – продолжил я цитату художника, словно принимая бой наглости – слишком разнообразна для философского единства, в искусстве мы хотя бы находим символы, чтобы выразить наше желание достичь его».

– Это цитата Ротко? – обратилась сразу к нам обоим Аня.

– Как ты относишься к современному искусству, Артем? Думаешь, оно развивается? – Марк проигнорировал Анин вопрос, даже не поведя носом в ее сторону.

Мое сердце сжалось до маленького комочка. Дыхание перехватило после выпаленной мной заученной цитаты. Пульс побежал по моим жилам, и Аня почувствовала его в своей ладони. Она еще сильнее сжала мою руку и притянула ее к себе. Она вела себя как мать, которая переживает за своего ребенка, но выражает нежелание помочь ему отсутствием видимых действий, дабы он сам смог сделать первые в своей

жизни взрослые поступки. Я перешагнул через страх разговора с незнакомым мне человеком, даже не заикаясь в процессе цитирования. Хотя Марка я видел уже второй раз, он оставался для меня таинственным незнакомцем. Несмотря на то, что я смог проговорить цитату без заикания, мне было сложно заговорить с ним вновь. Это было похоже на необдуманный поступок, который я смог совершить, не осознавая тяжести последствий. Пробежав по длинному тросу над пропастью, я выжил, но стал очень испуганным. Теперь я стоял на другой стороне огромной расщелины и смотрел в ее глубину – на Марка. И я попытался перебежать снова:

– Чт... ч... Что ты имеешь в виду? – неуверенно пробормотал я.

– То и имею. Думаешь, много дряни выставляется?

– Хватает. Х... х... – хотел я зачем-то несколько раз сказать «хватает», но получилось только одно слово. «Боже, меня сейчас разорвет!» – витало в моих мыслях.

– Я тут разговаривал с одним знакомым, он раскрыл мне тайну «Черного квадрата» Малевича. Оказывается, Казимир готовил к выставке новое полотно, но оно у него не получилось, и он его замазывал. И в этот самый момент порог мастерской переступил его друг, который закричал «Гениально!» Так, без всякого смысла, появился «Черный квадрат». Что скажешь?

Я засмеялся. Мне стало немного легче. Аня ослабила хватку. Скорость нашего механизма уменьшилась.

– Есть и та-такие мнения. Но ты же понимаешь, просто-та формы обманчива. Это как у Ро-Ро-Ротко. Содержание невозможно понять, не зная куда смотреть. В абстракции, как и в пазлах, всегда важны детали. К их истокам и стоит идти, а не рефлексировать обобщениями, стоя на месте. В привычной среде нам сложно увидеть многие нюансы – мы увлечены инстинктом самосохранения, фатикой и нормами поведения. Мы подчиняемся законам природы, иногда пытаемся идти против них, но смысл один – мы уже забываем, в силу мирового прогресса, любоваться этой самой природой, замечать детали. Художник же либо повторяет формы окружающего мира, либо их домысливает. Это тоже будет естественным процессом в становлении человеческого саморазвития, если только этого захотеть.

– Дааа, однако, ты красиво говоришь, словно лекцию читаешь. Ну, так, а что на счет «Черного квадрата»?

– На счет «Черного квадрата»... Думаю, идея у него есть.

– И какая?

– Просто есть и все. Каждый назовет свою. Малевич взял холст и нанес на него черное масло. Говорят, он его получил путем смешения цветов, а не взял уже готовую черную консистенцию. От этого «Черный квадрат» получился не совсем черным. Но тут, скорее, будет важным другое: те следы, что оставила кисть на застывшем масле, те трещины, что проявились после высыхания холста, та неровная форма фигуры, что ассоциируется с квадратом, та светлая рама, что

обрамила собой масло Казимира и рожают высший интерес к изучению пространства и формы и, как следствие, наслаждение ими. Скажу просто, по-детски, – это безумно любопытно, смотреть на то, как легло масло, как бегала кисть Казимира по холсту, интересно заглядывать в трещины полотна. Как ребенок, можно задаваться вопросом: «почему так, а не иначе?»; можно бесконечно долго любоваться эстетикой «Черного квадрата», не отвлекаясь на сюжет работы. То есть, я хочу сказать, что можно ведь погрузиться в эстетическое изучение полотна и более классической живописи. И на ней будут следы кисти на застывшем масле, и, может, даже трещины. Но там будет и отвлекающий момент, который идет рефреном по всему холсту вдоль и поперек, вверх и вниз – у картины будет сюжет, изображение, если хотите. У «Черного квадрата» их нет. Он абсолютно избавлен от этого. И в этом его замысел – любоваться масляной картиной, на которой ничего не изображено. Это торжество пространства и формы над визуализацией сюжета, мысли над пустым созерцанием, стремления видеть – над бездумным взглядом. В конце концов, это безумно любопытно. Другое дело, люди придают «Черному квадрату» слишком много ошибочных смыслов, которых сами не понимают. Если меня спросить, гениален ли Малевич в своем «Черном квадрате», я отвечу тривиально – и да, и нет. «Нет» – потому что слишком просто для гениальности, «да» – потому что бесконечно интересно рассматривать каждый сантиметр его полотна.

– Хороший подход, Артем. Хм... То же ты можешь, получается, сказать и о Ротко?

– Не совсем, Ма-Марк. К Ротко тоже относится эстетика творческого процесса художника. Но посмотри на его картины. Они огромны и разноцветны. Буйство красок тебя просто затягивает. Ты начинаешь интересоваться эстетикой холста, подходишь чуть ближе, еще ближе – и все! Ты клюнул на эту уловку, ты заглотил наживку. Тебя поглощают свет и цвет полотна. Тыходишь в картину, и выходишь с другой ее стороны совсем иным, измененным. Сам Ротко говорил, что его картины стоит рассматривать с близкого расстояния. Чертенок! Заманивал людей в свои картины.

– И почему же их затягивает?

– Потому, Марк, – наконец я выговорил его имя без заикания – что в повседневной жизни мы не можем просто так взять и позволить себе впасть в транс от огромного цветного предмета, которое надо еще хорошенько подсветить, для увеличения эффекта. Оглянись вокруг, Марк, – опять получилось! – Мы же находимся в специальном здании, которое и рассчитано для того, чтобы проводить сеансы впадения в подобные состояния. Тут многие ходят одурманенные искусством. Часто бывает так, что вещи и события из нашей повседневной жизни попросту не замечаются нами, или им не предается особого смысла. Это как у Энди Уорхола с его банками консервированного томатного супа. Когда они стали признанным искусством? Мы видим подобные банки

в магазинах каждый день, и в них нет ничего такого особенного. Однако после магазина мы идем на выставку, и что мы там видим? Банки Уорхола, такие же, что стоят в нашем магазине. Для осознания природы этого явления необходимо понимать две вещи. Первая – Энди Уорхол заметил повторяющиеся баночные мотивы, придя в магазин. Он принял социальную красоту такой, какая она есть и решил поделиться ею с миром. Второе – он перенес «баночную стену» из привычного для нас пространства – магазина – в галерею, в которую люди приходят отключиться от обыденности. И каковы их удивления, когда они видят ту самую обыденную, привычную картину. Банки могут не нравиться, кто-то может даже сказать: «Что в этом такого? Я тоже так могу», но они всегда будут обсуждаемы. Его работа смогла стать произведением, выйдя за грани классического искусства, оттого, наверное, что она пришла из привычного вечера обычного человека, выбирающего консервированный томатный суп. Это близко большей части публики и, одновременно, далеко – в понимании.

– Интересно тебя слушать, Артем! Даже не хочется перебивать твой рассказ своими взглядами. Мои мысли более прямолинейны и очевидны.

– Я бы послушал твои, с удовольствием.

– Нет, лучше б я продолжил слушать тебя, Артем.

Что это было? Я бежал по темным коридорам своих вос-

поминаний, пытаюсь понять в какой момент мне стало легко разговаривать с Марком. Почему я все это ему рассказывал? Мы молча ехали в машине по городу. Все как обычно: Аня за рулем, я – на пассажирском сидении. «Сколько же лет я уже не вожу машину? Может, стоит снова начать?». «Нет» – раздалось в моей голове. Но я не поверил голосу. Мне не хотелось верить.

Мысль зарождается порой в самое неподходящее на то время и место, но умирает всегда предсказуемо – в процессе разговора, превращаясь в слова. Мы поднимались по тускло освещенной лестнице, что вела в квартиру спокойствия и тишины.

– Я люблю тебя! -...

6

Следующие несколько дней мы провели в Аниной квартире, не выходя на улицу. Телевизор, что был выпущен из заточения из шкафа по этому поводу, не выключался часами. Мы смотрели старые комедии, заказывали еду по телефону, периодически курили сигареты прямо на кухне и много смеялись. Мир сжался до размера квартиры, и нам не хотелось его увеличивать обратно.

Любовь удивительным образом сочетает в себе огромную силу жизни, у нее есть способность рождать все новое, и, одновременно, она несет в себе мощный потенциал к разрушению, к смерти. И одно лишь слово, сказанное или не сказанное, может опустить тумблер этого опасного устройства. Мы несем ответственность не только за слова, произнесенные вчера, но и за слова, что будут не сказаны завтра.

Мне не хотелось, чтобы Аня однажды умерла. Мне было страшно сильно ее любить.

Мы разговаривали обо всем. Так безответственно, так неосторожно, но никогда не касались темы прошлого. Оно лежало неподъемным пластом тревог на самом дне нашего океана отношений. Ближе к поверхности лучи солнца пробивались в воды преломлением света. И где-то там, не погружаясь глубоко, мы перемещались от полутемноты до соприкосновения воды и воздуха. Главное – не утонуть, не пойти

вниз ко дну от этой безумной-безумной любви.

Каждый раз, когда я приезжал к Ане, а точнее будет сказать, возвращался домой (моим домом была не Анина квартира, а сама Аня), мы обязательно останавливали время на несколько дней, запираясь в квартире. Мы не отвечали на телефонные звонки, не читали новости, мы не знали, что вообще происходит за окном. Видели только погоду, а часто, закрывая шторы во всей квартире, только слышали ее. Слышали, как импровизирует дождь, словно наигрывавший мелодию, стучащий по карнизу, и стеклу окна. Вьюга завывала тихим гулом парохода. Только Ане звук больше напоминал томные выдохи великана. Еще ей хотелось услышать звуки колокольчика. Нам было непонятно, откуда у нее взялось это желание. И тогда я шел на кухню, доставал колокольчик, который однажды я спрятал на полке за банками с мукой и горохом, и звонил в него, не выходя с кухни. Аня смеялась. Сначала вполголоса нечастыми всплесками эмоций, затем громким, звонким гомерическим смехом, и она не могла остановиться даже тогда, когда я возвращался к ней в постель. Мне становилось от этого тоже смешно, но я смеялся сдержанно, иногда, впрочем, поддаваясь на Анину провокацию.

Мы дурачились в постели до глубокой ночи. Фильм мог повторяться по три-четыре раза за день; мы постоянно отвлекались от телевизора. Мы включали кино снова и снова, до тех пор, пока нам уже не становился понятен сюжет. Мы

ели прямо в постели, угощая друг друга своей едой. Иногда, таким образом, я съедал всю ее еду, а она мою. Мы делали апельсиновый сок в соковыжималке, затем пили его, сидя на кухне и выкуривая сигареты. Аня любила садиться на кухонную стойку, в легком халате ее тонкий стан завораживал меня, и я, встревоженный, наблюдал, как Аня сексуально курит и пьет апельсиновый сок. Я подходил к ней, обнимал за талию, затем моя рука поднималась по халату к ее волосам, которые в следующий момент уже путались между моими пальцами. Аня дотрагивалась до моей щеки, что уже обросла щетиной, и иногда немного водила ладонью по ней. Смотря друг другу прямо в глаза, мы могли замереть так на долгое время, которого уже вовсе не было, и застывшие стрелки часов на стене нам об этом говорили – мы вынимали батарейки из них.

Мы любили по очереди выводить буквы зубочисткой на наших спинах друг другу. Буквы складывались в слова, оставалось только почувствовать, что именно мы пишем невидимыми чернилами ощущений. Потом мы могли долго не разговаривать, общаясь только мимикой и движениями наших тел. Это была наша очередная игра. Я мог взять ноги лежащей Ани и начать приподнимать их по очереди, подражая движениям при ходьбе. Затем я скручивал одеяло, пытаясь имитировать емкость. Потом в эту импровизированную емкость я клал одной рукой кулак другой руки, нажимал на воображаемую кнопку, и – вуаля! – апельсиновый

сок начинал течь через края одеяльной чаши волнами моих ладоней. Так я приглашал Аню пойти на кухню делать сок из апельсинов.

Поцелуй сродни приторности. Он будет таковым, если не научиться понимать вожеление партнера. Вкус поцелуя зависит от гомункулуса Пенфилда, а не от платья, которое на женщине. Аня, казалось, знала обо мне все. Наши поцелуи никогда не были приторными. И ее платья мне тоже всегда очень нравились.

Когда мы на несколько дней закрывались в квартире, все исчезало. Не было волнений и страха, не было тревожащего городского шума, меня не окружали люди, что привносят дискомфорт. Тишина, спокойствие, размеренность.

Однажды, не так много времени спустя после нашего знакомства, Аня затаскивала меня в свою квартиру. Сторожевой принял пароль, щелчком приветствуя хозяйку и разрешая зайти домой. Аня со всей силы толкнула дверь рукой, она полностью распахнулась и вновь закрылась, срикошетив упругостью дверных петель. Аня толкнула ее вновь, в этот раз намного слабее. Дверь послушно приняла Анино поручение и больше не стремилась повторять бунт. Я, не в себе, словно пьяный, что-то бормотал нам обоим под нос. Моими слабыми ногами и сильными Аниными руками мы пересекли границу зоны спокойствия и тишины, затем длинный коридор (он казался бесконечным!), гостиную, и, наконец,

мадридской скорбью, что лилась из моих глаз. Аня схватила меня под плечи, ее волосы упали мне на лицо и намокли, впитав грусть испанских событий. Она что-то мне повторяла, чуть громче, чем кричал шепотом я. Наши слова сплетались в одну косу безумия и были выразительным дополнением того, что происходило на полу спальни. В какой-то момент я отдался сильным Аниным руками. Ее, прилипшие к моим щекам, мокрые от моих слез волосы неохотно стянулись с моего лица – она подняла меня с пола с помощью моих слабых усилий и аккуратно бросила на кровать. Я продолжал кричать шепотом одно и то же:

– Они все умерли.

Аня убежала в гостиную и вернулась с бумажным скотчем. Я слышал сначала удаляющиеся шаги, затем они вовсе исчезли. Все замерло. Я перестал повторять скорбный рефрен. Шаги ненадолго возобновились, потом открылся какой-то ящик. Из него полетели разные по своей массе и, соответственно, по своему шуму при соприкосновении с полом предметы. Потом опять (ненадолго) наступила тишина. И, наконец, слышались такие приятные, нарастающие в своей громкости, шлепки Аниных пяток об ламинат. На этот раз она проследовала экспрессом, без остановок; она вернулась с бумажным скотчем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.